

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Пастушка и трубочист

Среди всей мебели в доме самым значительным был старинный-старинный шкаф, наверное перед тем как стать прабабушкиным наследством, он служил самому королю. Столько красивейших роз, тюльпанов, листков и прочих узоров было вырезано на его почерневшем дереве. И шкафом гордилась вся семья, поэтому стоял он на почетном месте в гостиной. На самой середине шкафа был вырезан во весь рост человечек. На него нельзя было глядеть без смеха, да и сам он ухмылялся от уха до уха – улыбкой такую гримасу никак не назовешь. У человечка были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода.

Дети звали его обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног, потому что выговорить такое имя трудно и дается такой титул не многим. Зато и вырезать такую фигуру не легко, а её все-таки вырезали. Человечек все время смотрел на подзеркальный столик, где стояла хорошенькая фарфоровая пастушка. Он давно уже был в неё безнадежно влюблен. Позолоченные башмаки, юбочка, грациозно подколотая пунцовой

розой, позолоченная шляпа на головке и пастуший посох в руке – ну разве не красота!

Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный, как уголь, но тоже из фарфора и такой же чистенький и милый, как и все иные прочие. Он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать его принцем – из этого же шкафа! Трубочист стоял грациозно, с лестницей в руках, и лицо у него было бело-розовое, словно у девочки, и это было немножко неправильно, он мог бы быть и почумазей. Стоял он совсем рядом с пастушкой, так их поставили, так они и стояли. А раз так, они взяли да и обручились. Парочка вышла хоть куда: оба молоды, оба из одного и того же фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же стояла еще одна кукла, втрое больше их ростом, – старый китаец, умевший кивать головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, вот только доказательств у него не хватало. Он утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головой обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

– Хороший у тебя будет муж! – сказал старый китаец. – Похоже, даже из красного дерева. С ним ты будешь обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержантшей. У него целый шкаф серебра, не говоря уж о том, что лежит в потайных ящиках.

– Не хочу в темный шкаф! – отвечала пастушка. – Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

– Ну, так будешь двенадцатой! – сказал китаец. – Ночью, как только старый шкаф закричит, сыграем вашу свадьбу, иначе не быть мне китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого фарфорового трубочиста, сказала:

– Прошу тебя, убежим со мной, куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться.

– Ради тебя я готов на все! – отвечал трубочист. – Уйдем сейчас же! Уж, наверное, я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

– Только бы спуститься со столика! – сказала она. – Я не вздохну свободно, пока мы не будем далеко-далеко!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку. Его лестница также сослужила им добрую службу, и, в конце концов, они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени вытянули вперед головы, выставили рога и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

– Они убегают! Убегают!

Пастушка и трубочист испугались и шмыгнули в подоконный ящик. Тут лежали разрозненные колоды карт, был кое-как установлен кукольный театр. На сцене шло представление.

Все дамы – бубновые и червонные, трефовые и пиковые – сидели в первом ряду и обмахивались тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что и они о двух головах, как все фигуры в картах. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали, и пастушка заплакала: это так напомнило ее собственную судьбу.

– Сил моих больше нет! – сказала она трубочисту. – Уйдем отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, они увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем телом – ведь внутри него перекачивался свинцовый шарик.

– А, старый китаец гонится за нами! – вскрикнула пастушка и в

отчаянии упала на свои фарфоровые колени.

– Стой! Придумал! – сказал трубочист. – Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Спрячемся в нее! Ляжем там на розы и лаванды, и если китаец доберется до нас, засыплем ему глаза солью.

– Ничего из этого не выйдет! – сказала пастушка. – Я знаю, китаец и ваза были когда-то помолвлены, и от старой дружбы всегда что-нибудь да остается. Нет, нам одна дорога – пуститься по белу свету!

– А у тебя хватит на это духу? – спросил трубочист. – Ты подумала о том, как велик свет? О том, что нам уж никогда не вернуться назад?

– Ну у нас нет другого выхода! – отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

– Мой путь ведет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества залезть со мной в печку, а потом в дымовую трубу? Там-то уж я знаю, что делать! Мы поднимемся так высоко, что до нас и не доберутся. Там, на самом верху, есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет! И он повел ее к печке.

– Как тут темно! – сказала она, но все-таки полезла за ним и в печку, и в дымоход, где было темно хоть глаз выколи.

– Ну, вот мы и в трубе! – сказал трубочист. – Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, словно указывая им путь. А они лезли, карабкались ужасной дорогой все выше и выше. Но трубочист поддерживал пастушку и подсказывал, куда ей удобнее ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они добрались до самого верха и присели отдохнуть на край трубы, потому что очень устали.

Нам ними было усеянное звездами небо, а под ними все крыши

города, а кругом на все стороны, и вширь и вдаль, распахнулся вольный мир. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкой к плечу трубочиста и от страха заплакала, заплакала так сильно, что слезы смыли всю позолоту с ее пояса.

— Это для меня слишком! — сказала пастушка. — Этого мне не вынести! Свет слишком велик! А, как мне хочется обратно на подзеркальный столик! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я туда не вернусь! Я ведь пошла за тобой на край света, а теперь ты проводи меня обратно домой, если любишь меня!

Трубочист напомнил о старом китайце и обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей, хоть это и было неразумно.

И вот они спустились обратно вниз по трубе. Нелегко это было! Оказавшись опять в темной печи, они сначала постояли у дверцы, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Все было тихо, и они выглянули из печи. Старый китаец валялся на полу: погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части. Спина отлетела начисто, голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

— Какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился, и виною этому мы! Ах, я этого не переживу!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его еще можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не волнуйся! Ему приклеят спину, а в затылок вгонят хорошую заклепку, и он опять будет совсем как новый и сможет наговорить нам кучу неприятных вещей!

— Ты думаешь? — сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

– Далеко же мы с тобою ушли! – сказал трубочист. – Не стоило и трудов!

– Только бы дедушку починили! – сказала пастушка. – Или это очень дорого обойдется?

Дедушку починили: приклеили ему спину и вогнали в затылок хорошую заклепку. Он стал как новый, только головой кивать перестал.

– Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! – сказал ему обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног. – Только с чего бы это? Ну, так как, отдадите за меня внуку?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца: они так боялись, что он кивнет. Но кивать он уже больше не мог, а объяснять посторонним, что у тебя в затылке заклепка, тоже радости мало. Так и осталась фарфоровая парочка неразлучна. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: **1**. Рейтинг: **1,00** из 5)

☐ Загрузка...